

Ноября 1 (14)

Священномученики
**Александр Смирнов,
Феодор Лебедев**

Священномученик Александр родился 22 августа 1875 года в городе Сергиевский Посад Дмитровского уезда Московской губернии в семье почтового служащего Василия Васильевича Смирнова и его супруги Анастасии Дмитриевны и был крещен 26 августа в Христорождественской церкви при Троице-Сергиевой лавре. Восприемниками при крещении были сын священника храма Архистратига Михаила в селе Белый Раст Московского уезда, помощник почтмейстера Сергиево-Посадской почтовой конторы Евгений Васильевич Смирнов и дочь титулярного советника Вера Дмитриевна Молова. Крестил младенца протоиерей Михаил Багрецов, назначенный в этот храм митрополитом Московским Филаретом (Дроздовым) в 1866 году и прослуживший здесь до своей кончины в 1911 году без малого сорок шесть лет. Он был благоукрасителем храма и благотворителем для прихожан; его заботами при храме были устроены церковно-приходская женская школа, попечительство о бедных прихожанах, богадельня для двадцати пяти женщин, причем, обеспечено и ее содержание. Одним из прихожан было в свое время отмечено, что всё, что есть в храме и в приходе, сделано отцом Михаилом и почти все его прихожане являются его духовными детьми со дня крещения. Отец Михаил венчал и родителей Александра. Василий Васильевич Смирнов был потомственным почетным гражданином. Анастасия Дмитриевна, в девичестве Лялина, родилась в Сергиевском Посаде в семье солдата Сергиевской инвалидной команды и крепостной князей Долгоруковых; отец скончался, когда Анастасии был один год.

Василий Васильевич, скончался, когда Александру исполнилось десять лет. В 1888 году Александр, будучи хорошо подготовлен родителями к получению систематического образования, поступил сразу во второй класс Донского духовного училища в Москве. Окончив училище в 1891 году по первому разряду, он поступил в Московскую духовную семинарию, где учился на казенный счет как сирота. Учиться на втором курсе по каким-то причинам Александру оказалось непросто, и по его прошению его оставили для прохождения курса повторно. В дальнейшем проблем с учебой у него не было.

Вместе с ним на одном курсе семинарии учились будущие пастыри, принявшие впоследствии во время гонений на Церковь мученическую кончину, — Симеон Зернов (митрополит Евгений), Александр Лебедев (епископ Григорий), Иоанн Янушев, Константин Пятикрестовский, Константин Соколов, Александр Русинов, Владимир Проферансов, Иоанн Хрусталеv, Николай Беневоленский, Николай Соколов, Василий и Георгий Колоколовы.

В 1898 году Александр Васильевич окончил Московскую духовную семинарию и в том же году обвенчался с Татьяной Ивановной Тарасовой; впоследствии у них родилось тринадцать детей, но пятеро из них скончались во младенчестве или в раннем возрасте.

16 сентября 1898 года Александр Васильевич был назначен законоучителем и учителем в церковно-приходскую школу в селе Круглино Дмитровского уезда. В селе было 15 дворов и в относившейся к приходу деревне Степаново — 54.

Помещение, которое занимала школа, было небольшим, 22 квадратных метра, и здесь училось 15 детей. К приходу относилась Покровская мануфактура, принадлежавшая Ивану Артемьевичу Лямину. 29 сентября село посетил митрополит Московский и Коломенский Владимир (Богоявленский). Он с удовлетворением осмотрел построенный два года назад Иваном Артемьевичем и его супругой Елизаветой Семеновной, дочерью благочестивого московского купца Семена Лонгиновича Лепешкина, красивый по архитектуре Троицкий храм вместимостью до четырех тысяч человек.

Храм был настолько величественным, что при его освящении в присутствии около десяти тысяч человек митрополит Московский Сергей (Ляпидевский), говоря относящееся к этому событию слово, невольно свидетельствовал о своем изумлении от грандиозности сооружения. «Вошедши в этот великолепный храм, — сказал он, — иной может подумать: ему бы стоять в городе, зачем он в сельской местности? Не должно так думать. Храм величественный и изящно украшенный, где бы он ни стоял, везде имеет свое важное значение, благотворное и для людей простых и образованных. Богу мы обязаны приносить всё лучшее и ценное. Этого требует от нас врожденное чувство благоговения к Богу».

25 июня 1903 года митрополит Московский Владимир назначил Александра Васильевича священником к Крестовоздвиженской церкви села Вышегород в Верейском уезде. Место это было вакантным с мая этого года и пастырские обязанности здесь выполнял священник расположенной неподалеку от нее Ризоположенской церкви Василий Ремезов, вскоре ставший для отца Александра добрым соседом, другом и крестным отцом некоторых из его детей.

Особенность села Вышегород была в том, что в нем на относительно небольшом пространстве и с небольшим числом жителей было три храма с тремя отдельными приходами, отчего приходы были очень бедны. Но местные жители не хотели соединять приходы в один, несмотря на неоднократно предпринимаемые к этому попытки. Это было связано, в частности, с прошлой славой и значением Вышегорода, бывшего некогда городом, хотя и небольшим, но в XIV–XV веках немаловажным. Вышегород уже издавна имел три церкви: на городище в кремле — Крестовоздвиженскую, которую называли соборной, на посаде — Ризоположенскую и в набережной слободе — Успенскую. К Успенской церкви была приписана и находящаяся в двух верстах от нее церковь великомученика Димитрия Солунского в селе Дуброво, в 1895 году ставшая самостоятельной. В конце XIX века в Дуброво был построен женский монастырь с храмом в честь преподобного Сергия Радонежского, в котором начал свое служение священномученик Феодор Лебедев. Все пять храмов были в пешей доступности друг от друга и располагались в живописных местах у реки Протвы. Из-за малой величины приходов здесь служили либо священники неисправные, которым больше некуда было деваться, либо — пастыри добрые, либо, когда таковых не находилось, некоторые вышегородские приходы оставались вовсе без священников и псаломщиков.

С 1 сентября 1903 года до 21 мая 1904 года отец Александр преподавал Закон Божий в земской школе в деревне Сотниково Рудневской волости. 11 сентября 1904 года он был назначен законоучителем и заведующим церковно-приходской школой в деревне Паново. 7 февраля 1911 года он был избран членом благочиннического совета. Состоявшееся 15 ноября 1912 года собрание благочиния единодушно избрало его для работы на пастырско-миссионерских

курсах в Москве, которыми руководил выдающийся русский пастырь протоиерей Иоанн Восторгов. В октябре 1914 года отец Александр стал членом общества Красного Креста и Елизаветинского комитета помощи воинам, который возглавляла великая княгиня Елизавета Федоровна.

За простоту в обращении, христианское смирение и милосердие отец Александр был заслуженно любим прихожанами. Когда кому-нибудь из них требовалась помощь, он оказывал ее просто и без колебаний. Он неукоснительно исполнял церковный устав, не допуская сокращений или отступлений в богослужении, за что пользовался большим уважением у старообрядцев, которых тогда много проживало в Верейском уезде.

Крестовоздвиженский храм, в котором начал свое служение отец Александр, был построен в 1754 году стараниями графа Александра Ивановича Шувалова. Однако при нем не было предусмотрено домов — ни для священника, ни для псаломщика. Местный помещик Александр Александрович Шлиппе и его супруга Ада Гуговна построили на церковной земле сначала дом для псаломщика, потом для священника¹. А до тех пор, пока не был выстроен дом для священника, супруги Шлиппе пригласили отца Александра вместе с семьей жить к себе. Дома должны были принадлежать Крестовоздвиженской церкви и в них следовало жить священнику и псаломщику с семьями во время служения их в этом храме.

Построив дом с хозяйственными постройками для псаломщика, Александр Шлиппе 11 августа 1913 года написал отцу Александру: «Все означенные строения ныне я приношу в дар Крестовоздвиженской церкви, с тем, чтобы дом этот служил помещением для псаломщика названного храма, и чтобы впредь все псаломщики имели уже готовое жилье на время их состояния на службе.

Само собой разумеется, что на случай смерти, отчисления от должности или выхода за штат псаломщика, дом и службы должны быть немедленно освобождаемы для вновь назначаемого церковнослужителя.

Этот пункт должен всегда быть строго соблюдаем, и я его ставлю безусловно в условие, определяя этим такое назначение моего дара, что пока этот дом будет цел, ни на какие другие потребности он употреблен быть не может. <...>

Глубоко надеюсь, что этим моим даром я на долгое время избавлю псаломщиков, поступающих вновь на должность к Крестовоздвиженской церкви, от тяжёлого бремени строить за свой счёт себе дом и службы, что для меня всегда будет большим удовлетворением».

После его кончины в 1915 году его супруга, Ада Максимилиановна, исполняя волю мужа, построила дом с хозяйственными постройками и для приходского священника и 9 сентября 1915 года написала отцу Александру письмо с аналогичным распоряжению мужа содержанием.

В 1915 году вместо священника Василия Ремезова, долгое время служившего в Ризоположенской церкви, был назначен 16 апреля священник

¹ Александр Александрович Шлиппе (1876–1915) был сыном предводителя дворянства Верейского уезда камергера Александра Карловича Шлиппе. Окончив Московский университет, он служил в Московской судебной палате, затем в Московском окружном суде. Был почетным мировым судьей Москвы и Верейского уезда, гласным Верейского уезда и в течение трех лет — Московской городской думы. Владелец имения Вышегород. Его супруга Ада Гуговна, урожденная фон Вогау; ее родители владели металлургическими предприятиями на Урале, торговали медью, вкладывали свои средства в цементные, сахарные, текстильные и угольные производства. Во время антинемецких погромов в 1914–1915 годах она переменила отчество на Максимилиановна и после кончины мужа переехала в Париж, где умерла в 1923 году.

Александр Ремизов, у которого было шестеро детей, причем младшему ребенку был всего год.

Официальные документы так описывали бывшее в то время состояние храма и построек при нем: «Церковь построена в 1791 году графиней Екатериной Александровной Головиной, урожденной Шуваловой. Церковь деревянная, с деревянною колокольней, крыта железом, на каменном фундаменте, ветха. Престолов два: главный во имя Положения ризы Пресвятой Богородицы — холодный; придел во имя бессребреников Космы и Дамиана — теплый. Утварью бедна. В штате церкви священник и псаломщик. Домов у священника и псаломщика нет, живут в наемных сырых и холодных крестьянских избушках. Помещения эти ниже критики, но за неимением других, свободных, приходится причту с семействами ютиться и в таких».

Тесные, сырые и холодные помещения совершенно не были приспособлены для жизни многодетных семей, и в сентябре 1917 года отец Александр Ремизов перевелся на другой приход, и до апреля 1918 года Таинства и требы в приходе совершал священник Александр Смирнов, пока в Ризоположенский храм не был назначен священник Феодор Лебедев.

Священномученик Феодор родился 16 февраля 1872 года в Москве в многодетной семье псаломщика церкви Троицы в Листах на Сухаревской площади Ивана Васильевича Лебедева и его супруги Пелагии Андреевны. Федор учился в Заиконоспасском духовном училище, но был уволен из 1-го класса. С 1890 года он стал служить в храме алтарником.

26 июня 1899 года Федор Иванович был назначен псаломщиком в Троицкую церковь в селе Троицкое-Лыково в Московском уезде на место ушедшего за штат псаломщика Василия Константиновича Копьева. 14 июля Федор Иванович обвенчался с его дочерью Клавдией. 29 июня 1901 года у супругов родилась дочь Ольга, которую крестил брат Клавдии Васильевны, священник Петр Копьев. Восприемниками при крещении были мать Федора Ивановича, Пелагия Андреевна, и брат, священник Тихвинской церкви в селе Алексеевском Сергей Иванович Лебедев.

7 августа 1910 года Федор Иванович подал прошение митрополиту Московскому Владимиру с просьбой назначить его диаконом к Спасской церкви в селе Уборы в Звенигородском уезде на место, освободившееся после ухода диакона Симеона Никологорского. В своем прошении митрополиту он написал, что служит в храме 20 лет ежедневно: 9 лет — алтарником и 11 лет — псаломщиком. Однако на это место был назначен другой кандидат, с семинарским образованием.

21 апреля 1915 года протопресвитер Большого Успенского собора в Кремле Николай Любимов подал прошение митрополиту Московскому Макарию (Невскому), прося его уволить от должности диакона Никифора Зайцева по его прошению в связи с болезнью и преклонным возрастом, а на его место назначить псаломщика Федора Лебедева, подавшего на его имя прошение. Протопресвитер Николай при этом отметил, что настоятель храма, где в настоящее время служит псаломщиком Федор Лебедев, а также благочинный характеризуют его с самой лучшей стороны, и он со своей стороны просит удовлетворить его просьбу. 24 апреля митрополит Макарий уволил диакона Никифора Зайцева, а на его место назначил Федора Лебедева с последующим возведением его в сан диакона, и 10 мая епископ Можайский, викарий Московской епархии Димитрий (Добросердов) рукоположил его во диакона к Большому Успенскому собору.

Сакелларием собора был тогда родственник диакона Феодора (по сестре Надежде, в замужестве Пшеничниковой) протоиерей Николай Пшеничников, уроженец Вышегородской волости и благотворитель находившихся здесь храмов. Его брат, свекр Надежды, протоиерей Александр Пшеничников служил в Вознесенском монастыре в Кремле, а начинал свое служение в храме Илии Обыденного, где псаломщиком был в то время отец диакона Феодора, Иван Васильевич Лебедев.

17 июня 1917 года диакон Феодор был определен священником и вскоре рукоположен к Сергиевской церкви Сергиево-Дубровского женского монастыря в Вышегородской волости, основанного протоиереями Александром и Николаем Пшеничниковыми. В селе Дуброво братья построили и содержали на свои средства церковно-приходскую школу с приютом и два храма, один в селе, а другой в монастыре.

23 апреля 1918 года в Большом Успенском соборе состоялось последнее богослужение, после чего соборы и монастырские храмы Кремля, в котором разместилось советское правительство, были закрыты для богослужения. Единственным исключением стали три пасхальных дня в следующем, 1919 году, и с этого времени двери в Кремль для народа закрылись.

Протоиерей Александр Пшеничников перешел служить в Сергиевский храм Сергиево-Дубровского монастыря, а отец Феодор стал служить в Ризоположенском храме в селе Вышегород, располагавшемся в двух верстах от Сергиево-Дубровского монастыря. Поскольку из детей у отца Феодора с супругой была только дочь, которая в 1916 году уже закончила обучение в Филаретовском епархиальном женском училище, получив звание учительницы, скромное жилье, в котором им теперь пришлось жить, их не смущало.

В 1918 году советская власть издала декрет об отделении Церкви от государства, почти аналогичный антихристианским эдиктам языческих императоров Рима, ставивших своей целью уничтожение Христианской Церкви. Декрет советской власти запрещал любую форму проповеди за стенами храма, что подразумевало и ношение священниками рясы вне храма. Кое-где священников принуждали угрозами изменить свой облик и, бывало, за неподчинение убивали.

Местные власти потребовали и от отца Александра, чтобы он перестал ходить по селу в рясе и остриг волосы. После совета с духовником он сказал, что никогда не подчинится незаконному распоряжению и не откажется от облика православного пастыря.

На состоявшемся 23–31 января 1918 года в Таврическом дворце в Петрограде Всероссийском съезде Советов вернувшиеся с фронта солдаты, уроженцы Верейского уезда, братья Ф. Г. и М. Г. Павловы, И. С. Жохов и А. С. Кириллов договорились захватить власть в Верейском уезде, объявив ее властью советской, что и было ими успешно исполнено.

Претендуя на всеобъемлющее право на растление малых сих, детских душ, новая власть откровенно показывала свое антихристианское лицо. 8 сентября 1918 года Верейский отдел народного образования опубликовал в местной газете предупреждение учителям и администрации школ: «С наступлением учебного года преподавание Закона Божия в стенах школы согласно декрета от 23 января сего года об отделении Церкви от государства и школы от Церкви воспрещается. Школа, имея своей целью как духовное, так и физическое образование детей, ни в коем случае не может допустить, чтобы в ее стенах шло обучение, совершенно

идущее вразрез с требованиями научной педагогики. На самом деле обучение Закону Божию преследует задачи определенно государственно-самодержавно царские: воспитать поколение людей суеверных, робких, забитых, лишенных всякой энергии и инициативы. Школа же должна выпускать питомцев по возможности образованных, смелых, энергичных. Точно также упраздняются из стен школы и всевозможные церковно-языческие обряды, как-то: молебны, панихиды, и т. п.».

В первой половине ноября против незаконных реквизиций, проводимых советской властью, а также мобилизации населения в Красную армию для борьбы за советскую власть начались крестьянские восстания в Боровском и Медынском уездах Калужской губернии. 11 ноября крестьянское восстание началось и в граничившем с ними Верейском уезде Московской губернии.

К 9 часам утра 11 ноября 1918 года в правление волостного совета села Вышегород были вызваны все мужчины волости от 18 до 40 лет для обязательного и «всеобщего военного обучения»; когда они пришли, выяснилось, что для них нет ни обмундирования, ни сапог, ни хлеба. Однако волостной военный комиссар предложил несмотря на это все же начать занятия, обещая впоследствии поставить вопрос о воинском довольствии перед уездной властью. Крестьяне с этим не согласились и начали обсуждать, как им следует теперь поступить.

Власти вызвали в Вышегородский волостной совет благочинного Павла Розанова и других священников Верейского благочиния к 11 часам утра на этот же день, 11 ноября, чтобы переписать всё церковное имущество, имеющееся в уезде. В это время у здания совета уже собралось около двухсот крестьян, и духовенство во главе с благочинным отправилось в дом к отцу Александру, располагавшийся неподалеку от волостного совета, чтобы здесь обсудить создавшееся положение.

Когда они уже находились в доме отца Александра, один из прихожан просил благочинного выяснить причины происходящего. Отец Павел хотел было пойти в волостной совет, чтобы это выяснить, но, услышав доносящиеся со стороны совета громкие крики, побоялся идти туда один и попросил, чтобы и все пошли вместе с ним. Когда священники подошли к зданию волостного совета, их встретила возбужденная толпа крестьян, и кто-то из толпы спросил: зачем они сюда пришли. Один из священников ответил, и тогда представитель властей сказал, что сейчас некогда заниматься учетом церковного имущества. И священники стали расходиться. Благочинный Павел Розанов отправился в расположенное в трех верстах от Вышегорода село Понизовье, помощник благочинного священник Николай Лебедев, служивший в храме великомученика Димитрия Солунского, — в село Дуброво.

Собрание крестьян между тем постановило — отказаться от военного обучения на поставленных властями условиях и разогнать волостной совет, так как местная власть не отвечает интересам народа и при таком ее управлении в перспективе их может ожидать только голод. Крестьяне потребовали отпереть каретный сарай, где были собраны реквизированные у них рожь, овес и картофель. После того, как председатель Вышегородского волостного совета Андриан Пафнутов отпер сарай, крестьяне стали разбирать отобранные у них ранее продовольственные запасы. Некий молодой человек, как показал впоследствии Пафнутов, просил священника Александра Смирнова помочь им, и тот, перекрестившись, ответил: «Поможем».

В течение трех дней крестьяне удерживали в своих руках здание волостного совета, держа под арестом его председателя и волостного военного комиссара. При захвате крестьянами здания был убит отличавшийся незаконными реквизициями и особой жестокостью милиционер Ивлий Мазуров, он же Мазура, и в перестрелке был убит красноармеец Иван Корелов.

Уездные власти вызвали вооруженное подкрепление из Можайского уезда и из Москвы. 12 ноября вооруженные винтовками и пулеметами отряды из Вереи и Можайска частью разогнали крестьян, большинство которых были вооружены охотничьими ружьями, штыками и вилами. 13 ноября при попытке крестьян Вышегородской и присоединившихся к ней волостей, где были разогнаны волостные советы, пойти на Верею, карательный отряд пулеметным огнем разогнал наступавших. Председатель Верейского уездного совета Павлов по телеграфу потребовал от восставших, чтобы они в 24 часа сдали оружие и выдали всех виновных, обещая в противном случае смести волость с лица земли.

Восстание крестьян напугало власти, и после его подавления они уже никогда не писали и не говорили о нем публично, единственное упоминание о восстании появилось в верейской газете 1 декабря 1918 года в виде публикации приказа Уездного военного комиссариата. Воспользовавшись тем, что с их стороны были убиты, местные власти направили требование в Московский губернский совет депутатов, чтобы им выдали значительное количество бархата, шелка и сатина якобы для погребения жертв восстания, не указав, что убиты лишь двое — милиционер и красноармеец.

14 ноября 1918 года в Ризоположенской церкви села Вышегород отмечался престольный праздник — память бессребреников и чудотворцев Космы и Дамиана, на который съехалось духовенство и миряне со всей округи. Среди служащих был и священник села Дуброво Николай Лебедев. После литургии, молебна и общей трапезы священники стали расходиться.

Тем временем в Верею из Москвы направился отряд карателей-латышей числом в пятьдесят всадников с броневином, которые должны были самой жестокостью казней парализовать волю крестьян к сопротивлению. Однако не только крестьян собирались каратели казнить, но и священников, тех, кого бы им удалось захватить, — и только отречение от Бога могло тогда спасти жизнь.

В тот же день, ближе к вечеру, вооруженный отряд въехал в расположенную рядом с Вышегородом деревню Новая Борисовка. Поискав, но не найдя никого в имении Шлиппе, они вернулись на дорогу. По пути им повстречался церковный сторож, и они зарубили его.

Крестьяне, заподозренные в убийстве милиционера, были арестованы. Среди арестованных оказался и староста Ризоположенского храма Павел Раевский. В сочувствии к восставшим был заподозрен и председатель Вышегородского волостного совета Пафнутов, отперший сарай и позволивший крестьянам забрать реквизированное у них продовольствие. Ему, однако, удалось оправдаться перед командиром латышских стрелков. Сначала арестованных приговорили к расстрелу, но затем расстрел был заменен на тюремное заключение.

Узнав, что священник Александр Смирнов находится дома, каратели послали к нему фельдшерицу из села Благовещение, чтобы она пригласила его в волостной совет.

— Знаете, отец Александр, что-то там у волостного совета беспокойно, шумно. Пойдемте со мной, — сказала она, придя в дом к священнику.

— Зачем я пойду? — прямо и просто ответил отец Александр. — Я ни в чем перед властью не виноват.

— Не пойдете? Ну, как хотите, — сказала фельдшерица и, пробыв в доме священника еще некоторое время, ушла.

Татьяна Ивановна, супруга священника, со старшей дочерью Еленой решили сами пойти к волостному совету, чтобы посмотреть, что там происходит, о чем говорила фельдшерица. Вскоре после их ухода раздался громкий стук в дверь. В доме на тот момент оставались лишь священник и его четырехлетний сын Александр.

Священник открыл дверь, и дом сразу же наполнился вооруженными карателями. Они потребовали:

— Собирайтесь, вас вызывают к начальнику.

— Я не могу покинуть дом, где остается только маленький мальчик, — ответил отец Александр.

— Но начальник не может ждать! — со злобой и угрозами приступили они, а сами уже брали свечи потолще и зажигали.

— Отпустите меня, — сказал отец Александр, — я ни в чем не виновен. У меня семья, восемь человек детей... На моем попечении душевно больная сестра моей матери...

И он замолчал, вверив всецело свою жизнь воле Божией. И Господь укрепил пастыря. Не спеша помолившись, отец Александр надел новую теплую рясу, шапку и вместе с мучителями вышел на улицу.

Был тихий осенний вечер, недавно выпал первый снежок, и из тьмы светом, символом земной чистоты, разливалась вокруг белизна. Держа в руках горящие свечи, палачи вели по направлению к волостному совету отца Александра, участь его уже была решена. Как живого покойника, предназначенного для погребения, сопровождало священника кошунственное шествие истязателей. Им хотелось надругаться над ним, осыпать по их обыкновению насмешками, но они не посмели, смутившись от благодатной силы идущего рядом священника.

На пути, неподалеку от дороги к имению Шлиппе, они встретили идущего под конвоем отца Феодора Лебедева, и тогда священникам было объявлено, что они будут сейчас казнены.

— Тогда надо помолиться, — сказал отец Александр.

— Молись, — разрешил начальник отряда.

Встав на колени, священники стали молиться Богу. Блаженна и святая кончина мучеников, и светозарен непорочный Христов жребий. Получив уверение свыше о том, что душа его будет удостоена мученического венца и даже о ближайшей участи карателей, отец Александр сказал:

— Я готов. Теперь делайте со мной, что хотите, но знайте, что все вы вскоре погибнете.

Лишь только он это сказал, палач взмахнул шашкой и рассек ему голову от правого виска до темени. Священник упал на колени и поднял руку для крестного знамения. Последовал второй удар шашкой — но отец Александр был жив. Палачи выстрелили в голову и в шею священника и дважды проткнули ему живот штыком до спины и единожды поперек от бока до бока. Но диво! Священник был силою Божией жив. Страх напал на мучителей. И тогда один из них, подойдя к отцу Александру вплотную, нанес последний удар — в сердце.

После этого палачи приступили к отцу Феодору, который обличал их в бессердечной жестокости и производимых ими убийствах. В ответ они стали бить

его по лицу, и, когда священник упал, палач дважды выстрелил в него; одна пуля попала в ухо, другая — в плечо. Отец Феодор был еще жив, но каратели не стали его добивать: таково было произведенное на них впечатление от убийства ими безвинных священников, что они поспешили покинуть скорей место казни. Крестьянам в деревне они говорили: «Ну и поп этот Александр, никогда еще таких мы не видели». И далее рассказали о той участи, которую им предвостылил священник. Слова отца Александра исполнились в точности.

Свидетелями казни священников Александра Смирнова и Феодора Лебедева стали крестьяне из деревни Дудкино, направлявшиеся на мельницу. Увидев, что каратели ведут двух священников, они притаились в овраге и стали свидетелями их мученической кончины. Как только каратели ушли, оставив тела священников лежать у дороги, крестьяне опрометью бросились бежать с места казни. Неподалеку от места казни находился тогда и священник Николай Лебедев, которому была уготована та же участь не скройся он в глубоком проходящем вдоль дороги овраге.

На следующий день рано утром один из местных жителей, возвращаясь домой из села Балабанова, при въезде в Новую Борисовку услышал стоны. Он слез с лошади и увидел лежащего на снегу тяжело раненого отца Феодора. Неподалеку он обнаружил тело отца Александра. Он объявил в селе о находке, но, когда крестьяне пришли, отец Феодор уже скончался.

На третий день состоялось отпевание и погребение священномучеников. Отпевал их священник Николай Лебедев. На похороны собралось множество народа. Среди них было немало пришедших из деревень духовных детей отца Александра, искренне почитавших верного Богу пастыря и о них молитвенника. Сразу же после убийства священников власти из боязни перед народом поспешили признать их невиновными и прислали на погребение своих представителей, которые шли среди прихожан с белым флагом. Пострадавших за Христа пастырей похоронили в одной могиле. В руку отца Александра погребавшие вложили пасхальную свечу и Евангелие с дарственной надписью, свидетельствующей о его успехах во время обучения в духовной семинарии.

Через два дня после отпевания священник Николай Лебедев, более возлюбивший мирское нежели Божие, уехал в Москву, где спустя некоторое время перешел к обновленцам, увидев за ними успех в благополучном устройении жизни в новых политических условиях. 17 января 1923 года обновленческое Московское епархиальное управление приняло обязательную официальную анкету для всего уездного духовенства, где кроме указания обычных персональных данных следовало ответить на вопросы: признаете ли Высшее церковное управление и его распоряжения; как относитесь к обновленческому движению и проектам намеченных церковных реформ; признаете ли нравственную правду за социальной революцией и как относитесь к советской власти. 28 февраля Московское епархиальное управление назначило священника храма великомученика Димитрия Солунского села Дуброво Николая Лебедева благочинным 2-го округа Верейского уезда и заместителем уполномоченного Московского епархиального управления по всему Верейскому уезду. Впоследствии он вовсе отказался от любой формы служения в Церкви и стал работать бухгалтером.

На девятый день после кончины священномученик Александр явился во сне дочери Елене и повелел ей собрать оставшиеся на месте убиения косточки головы, указав ей и само место. Примерно через год после кончины он явился

сыну Александру, одетый в ризы ослепительной белизны. В годы гонений священномученики Александр и Феодор чудесным образом являлись почитавшим их подвиж близким и прихожанам. В 1920-х годах дом отца Александра был сожжен. Из всего имущества среди пепелища уцелела лишь фотография священномученика, обгоревшая по краям.

Изучая жизнь мучеников, исследователи оказываются — по единству подвига древних и новых мучеников, как бы в той же эпохе, какова была эпоха гонений на христиан в древности, когда к мученическому подвигу последователей Христовых христиане относились с великим трепетом, а мощи мучеников почитались как драгоценная святыня. И, бывало, христиане рисковали жизнью и свободой, чтобы найти и сохранить мощи великих угодников Божиих, проливших свою кровь за Христа. «Человеколюбивый Бог, проявляя Свой великий и разнообразный Промысл о человеческом роде, не только создал всю тварь, распростер небо, раскинул море, возжег солнце, повелел сиять луне, даровал землю для жительства и подал всё с земли для питания и устройства наших тел, но и даровал нам мощи святых мучеников. Он Сам, взяв [их] души, — ибо “души праведных в руке Божией” (Прем. 3: 1), — нам оставил пока [их] тела, как достаточное утешение и ободрение, дабы, приходя ко гробницам этих святых, мы побуждались к ревности и подражанию и, созерцая их, творили воспоминание об их подвигах и воздаяниях, уготованных за эти подвиги», — писал святитель Иоанн Златоуст. «Не только кости мучеников, но и их гробницы и урны источают великое благословение», — писал он об этих великих святынях.

Мученики — самые близкие к нам и легко отзывающиеся на наши просьбы святыне. Нет на земле Тела воскресшего Христа, но есть тела мучеников, в своем мученическом подвиге хотя и перешагнувших в воскресение из мертвых, но оставивших до второго пришествия Господня свои освященные пролитой кровью тела. И задачей было не утратить места захоронения мучеников или обрести то, что могло быть вскоре утрачено. Не без благословения священномучеников Александра и Феодора были обретены их многоцелебные мощи.

Дочь священномученика Александра, Надежда, подробно рассказав об исповедническом подвиге отца и о его равных древним христианам страданиях, поведала и о месте, где он был погребен. Сын священномученика, Александр, еще более уточнил через характерные детали место погребения. Время было таково, что никаких надписей тогда на могилах страдальцев не ставилось. Еще было живо в памяти, как лилась кровь исповедников и убивались ни в чем неповинные люди, когда и сами родственники подпадали под подозрение гонителей. Парализующий волю людей страх был таким, что они предпочитали о многом забыть, чтобы не подвергать свою жизнь смертельному риску.

Мощи священномученика Александра и Феодора были обретены в ночь на 8 октября 1985 года. Гробы их сохранились в целости, в особенности гроб священномученика Александра. Когда была открыта крышка, то взору предстал одетый в священническое облачение пастырь — как будто лишь недавно на время уснувший. Перед тем, как была снята крышка гроба, всё в природе замерло, словно всё ожидало чуда. Наступила глубокая, воистину неземная тишина, как будто всё земное перед обретением святыни затаило дыхание. Но, когда крышку гроба открыли и предстал дивный мученик-пастырь, то раздался нечеловеческий демонический крик. После ангельской тишины, как будто распахнулась дверь и сам ад вышел на землю. Так бесы протестовали против обретения. Но это продолжалось всего лишь мгновение. И бесы трепещут

опалаяющих их Божией благодатью мощей. И в этот момент электрический фонарь, при свете которого совершалось обретение, безвозвратно погас. Но в руке священномученика Александра была пасхальная свеча, вложенная в его руку шестьдесят семь лет назад людьми, погребавшими пастыря. Свеча была небольшой, но ее хватило на всё время, пока совершалось обретение. Благодатным и простым был путь назад. Не мы несли и везли тела мучеников, а они сами нас несли, как на крыльях. Их незримое присутствие много помогло впоследствии и в исследовании подвига мучеников. Но уже тогда они пожелали найти для себя приют в храме Казанской иконы Божией Матери в Реутове, хотя храм этот здесь еще не был построен и проект его не был задуман. Сейчас все прибегающие к молитвенной помощи священномучеников Александра и Федора ее получают от скорых ходатаев о них и заступников.

Священномученики Александр Смирнов и Феодор Лебедев² были прославлены в 2000 году на Юбилейном Архиерейском Соборе, который свидетельствовал миру, что в конце второго тысячелетия в Русской Православной Церкви было собранно в житницу Христову множество плодов.

По благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия 20 сентября 2003 года мощи священномучеников Александра и Федора были помещены в храме Казанской иконы Божией Матери в городе Реутове, где 24 февраля 2001 года был освящен придел во имя Собора новомучеников и исповедников Российских.

Память священномучеников Александра Смирнова и Федора Лебедева совершается 25 сентября (8 октября) и 1 (14) ноября.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

² При канонизации в 2000 году священномученик Феодор был прославлен с фамилией Ремизов. Впоследствии был произведен поиск дополнительных архивных документов, касающихся биографических данных пострадавших священников в период, предшествующий их мученической кончине, и было выяснено, что фамилия священномученика Федора не Ремизов, а Лебедев. Документы были переданы Синодальной комиссией по канонизации святых Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу. Председатель Издательского совета Русской Православной Церкви известил Синодальную комиссию по канонизации святых в письме от 26 октября 2023 года о внесении изменения в церковный календарь.